

историю русского пессимизма, канун Петровских реформ составит в ней одну из самых весомых глав. Петру досталась держава, пребывавшая в состоянии духовного кризиса и даже надрыва. Надлежало искать выход — и прежде всего в сфере идей. Полагаться на церковь не приходилось: у нее, в отличие от католицизма, не было опыта борьбы с мощной религиозной оппозицией. Русские еретические движения (стригольничество, «жидовствующие» и т. д.) — это всего лишь эпизоды, не идущие ни в какое сравнение с Реформацией.

Нельзя было полагаться и на практику «латинствующих». Они ориентировались на контрреформацию, и 12 статей 1685 г. совпали по времени с допущением иезуитов в Россию. (Напомним, что как раз в 1685 г. и тоже под влиянием иезуитов Людовик XIV отменил Нантский эдикт, следствием чего была эмиграция сотен тысяч гугенотов; если это и совпадение, то совпадение симптоматичное). Конечно, контрреформация прибегала не к одним карательным мерам. Ее оружием было и убеждение, и «латинствующие» этим оружием пользовались. Начиная со «Скрижали», составленной Симеоном Полоцким, все они пишут трактаты, в которых доказывается вероучительная и культурная несостоятельность старообрядчества. Изгнание иезуитов в 1690 г. нимало не повлияло на количество и качество таких трактатов. При Петре на этой ниве усердились Стефан Яворский и особенно Димитрий Ростовский, чей «Розыск о раскольнической брынской вере» заслужил репутацию классического пособия по теме.

Вряд ли эта репутация справедлива. Может быть, кто-то из читателей «Розыска» и вернулся в официальную церковь, убежденный доводами Димитрия Ростовского, но таких читателей не могло быть много. Самый стиль богословствования, которому учили в Киево-Могилянской академии, глубоко чужд великорусской традиции. «Школьно-богословская эрудиция русских латинских школ XVIII века изнутри церковной жизни и быта воспринимается (и не без достаточного основания) как нечто внешнее и вспужное, не вызванное органическими потребностями самой церковной жизни < . . . > Заодно с эрудицией перенималась и психология, «реформировался» и самый душевный склад. В этом чуть ли не самая мощная причина < . . . > недоверия и < . . . > упрямого равнодушия к богословской культуре < . . . > В этом причина и < . . . > отношения к богословской науке как к иностранному и западному изобретению, навсегда чуждому для православного Востока».¹⁵

Древняя Русь не знала схоластики и не произвела спекулятивных (в строго логическом смысле) «сумм», подобных «сумме» Фомы Аквинского. Россия петербургского периода, напротив, создала бесчисленное множество профессиональных теологических сочинений. Но это скорее диссертации, нежели труды. Не случайно в XIX в. из русских духовных школ вышло многое множество вольнодумцев, атеистов и революционеров: семинарская премудрость,

¹⁵ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. 3-е изд. Париж, 1983. С. 101—102.